

„Русский вопрос“

НОВАЯ ПОСТАНОВКА КИЕВСКОГО ТЕАТРА РУССКОЙ ДРАМЫ
ИМ. ЛЕСИ УКРАИНКИ

О двух Америках идет речь в «Русском вопросе». Константина Симонова — о демократической, прогрессивной Америке Линкольна и Рузвельта и о монополистической, реакционной Америке Уолл-стрита, херстов и макферсонов. Между прочим, обе Америки уже имели возможность высказать свое отношение к «Русскому вопросу». Это произошло, например, недавно на спектакле в берлинском театре имени Макса Рейнгардта. В то время, как американские демократические зрители — солдаты — с живейшим интересом и сочувствием следили за судьбой главного действующего лица пьесы — прогрессивного журналиста Гарри Смита, сторонники другого персонажа пьесы — беспринципного, продажного газетного предпринимателя Макферсона делали все, чтобы сорвать постановку «Русского вопроса», вплоть до грубого запрещения немецкой артистке Лоле Мюттель участвовать в спектакле.

Показательный эпизод! Он словно дополняет пьесу и еще раз подтверждает, сколь правдиво, жизненно и актуально это произведение К. Симонова, затронувшего животрепещущую проблему современности.

Отношение к Советскому Союзу является тем оселком, на котором проверяются политические взгляды отдельных людей и общественных групп, партий, правительств. Друзья Советского Союза — это друзья мира, демократии, цивилизации. Враги Советского Союза — это поджигатели новой войны, алчные захватчики, воинствующие мракобесы.

К друзьям принадлежит главное действующее лицо «Русского вопроса» Гарри Смит — человек, далекий от коммунизма, но честный, справедливый и потому отказывающийся даже за баснословно высокий гонорар клеветать на советский народ, чье мужество и благородство он сумел оценить в самые страшные дни войны — в окопах под Гжатском и в опаленном Сталинграде. Второй лагерь составляют жестокие, беззастенчивые, циничные макферсоны, гульды и их опустошенные, изолгавшиеся чернильные наемники — престоны, мерфи, харди, кто за 30 серебряников готов написать все, что угодно и против кого угодно, лишь бы хорошо платили!

Константин Симонов показал нам только один уголок американской жизни — капиталистическую прессу. Но уголок этот весьма типичен. Убогие нравы реакционной американской прессы дают достаточно ясное представление о том, как безжалостно мнут человека жернова капиталистической системы, как трагически обесценена личность в мире, где полновластным хозяином является доллар.

Пьеса К. Симонова глубоко гуманистична. Она выступает в защиту человеческого достоинства, ежедневно попираемого в буржуазном мире. Перелать на сцене публицистическую страстность и психологическую углубленность «Русского вопроса» — значит верно уловить суть и характер пьесы. К этому и стремился Киевский театр русской драмы (постановщик К. П. Хохлов). Театр в основном правильно раскрыл идею и основные образы драмы.

Верный тон нашел актер М. Романов. То, что его Гарри Смит одет в военную форму, — не просто внешняя деталь. Это ударная и многоговорящая черта. Смит еще полон ощущений войны, огненной жизни, смертельной борьбы с гитлеровцами, борьбы, в которой так самоотверженно и героически вели себя советские люди, заслужившие признание всех честных людей мира. О героизме русских Гарри выпустил в дни войны правдивую, пользовавшуюся успехом книгу. И вот ему опять предлагают ехать в Россию с преднамеренным заданием показать агрессивность русских. Смит сперва соглашается. На этом настаивала и любимая женщина — Джесси, прельстившаяся крупным гонораром, возможностью устроить комфортабельную жизнь для себя и Гарри. Но честность взяла верх и победила. Гарри написал совсем не то, чего требовал и ждал Макферсон. Он показал, что русские не хотят войны. И все рушится для Смита — загородный коттедж, уют, машина, семейная жизнь. Он многое потерял, но еще больше приобрел. Он стал глубже оценивать жизнь, окружающих людей, понял, что на

его родине существует не одна, а две Америки.

М. Романов хорошо передает простоту и прямоту Смита, его честность и неподкупность. Главное, актер убедительно рисует процесс политического возмужания своего героя. С подлинным драматизмом проведена последняя сцена, когда Гарри сам себе дает политическую характеристику:

— Вышеупомянутый Смит долго и наивно думал, что есть одна Америка. Сейчас он знает: Америк две. И если вышеупомянутому Смит, к его счастью, нет места в Америке Херста, то он, чорт возьми, найдет себе место в другой Америке, в Америке Линкольна, в Америке Рузвельта.

Главные представители Америки Херста — Макферсон и Гульд — в изображении М. Высоцкого и М. Розина — живые, естественные персонажи. М. Высоцкий дает почувствовать зрителю, что за внешними демократическими манерами и добродушием Макферсона кроется старый, матерой выжига, который пойдет на все во имя выгодного бизнеса. Несколько прямолинейнее, упрощеннее охарактеризован М. Розиним Гульд. Следовало бы сильнее передать убежденную реакционность этого опаснейшего ренегата и неразборчивого карьериста.

Джесси у М. Стрелковой наиболее убедительна в тех сценах, где она выступает, как любящая женщина, истосковавшаяся по своему семейному гнездышку. Меньше чувствуется у Джесси — Стрелковой «старая прешница», какой была Джесси до встречи с Гарри и какой она осталась после ухода от Смита.

Но не везде соблюдено постановщиком актерами необходимое чувство меры. Подчас интимные, личные переживания затемняют политические конфликты, в некоторых сценах ощущается налет мелодраматизма, характеристики отдельных образов смазаны. Так, Престон у актера В. Мяткого — простосердечный, равнодушный служака — и только. Харди — этот поставщик скандальной хроники, олицетворяющий крайнюю ступень морального падения журналиста — в исполнении Г. Лазарева скорее жалок, чем противен. В. Халатов, тонко раскрывая трагическое в судьбе Мерфи, взволнованно передавая его ненависть к своему работодателю — Херсту, тепло рисуя пробуждение любви к передовой американке-стенографистке Мэг, дружбу с Гарри Смитом, не очень усердно подчеркивает продажность Мерфи — и тем самым, вольно или невольно, затупевает отрицательные стороны этого персонажа.

Мы не призываем к изображению на сцене плакатных, ходульных злодеев. Но неправильно амнистировать, обелять тех, кто помогает дельцам из Уолл-стрита разжигать у американцев ненависть к Советскому Союзу, кто за большую или меньшую мзду участвует в провокациях поджигателей новой войны. Художественная правда не нуждается в нажиме, в грубом подчеркивании, в излишних резкостях. Но она не терпит и приглаживающей ретуши. А на сцене Киевского театра русской драмы облик некоторых представителей капиталистической прессы явно затупеван. В этом нас особенно убеждает образ издателя Кесслера (Е. Черни), кто, боясь гнева Макферсона, отказывается выпустить правдивую книгу о России, написанную Гарри Смитом. Кесслер — Черни так тих и елеен на сцене, что он кажется не жадным к наживе дельцом, а благочестивым проповедником. И Кесслер, и Мерфи, и Харди, и Престон выглядят больше жертвами, чем соучастниками провокаций газетных гангстеров.

Киевский русский драматический театр немало потрудились над тем, чтобы пьеса о современной Америке и по своему оформлению (художник И. Духовский) и по обрисовке действующих лиц выглядела на сцене достоверно, реально. Но политическое звучание спектакля, несомненно, повысится, если социальные характеры всех персонажей Америки Херста будут раскрыты более глубоко, показаны более рельефно, так, как они представлены у автора и какими их знает наша общественность — без утрировки, но и без приглаживания.

Иосиф КИСЕЛЕВ.